

В заключение нам хочется высказать пожелание в деле изучения истории татарского языка: следует обратить особое внимание не только на тюркские языки, но и на языки соседних народов — мари, удмуртов и мордвы, — где масса болгаро-татарских языковых заимствований наиболее контрастно выделяется на фоне финских языков при значительной их целостности; этим до сего времени почему-то пренебрегали.

О палеографии болгарских памятников II стиля

В палеографическом отношении надгробия II стиля, исполненные, как выше было указано, только куфическим шрифтом, выглядят более или менее однородно. Однако шрифт этот мы никак не можем считать куфическим в полном палеографическом смысле слова. Это скорее полукуфи, в некоторых случаях приближающийся к наску или даже к простому шрифту. Было бы неверно думать, что куфи в наиболее чистом виде не было у болгар. Куфи встречается на более ранних памятниках. Так, например, простой куфический шрифт мы видим на вышеупомянутых болгарских зеркалах, на металлическом замке из Биляра, не говоря уже о болгарских монетах.

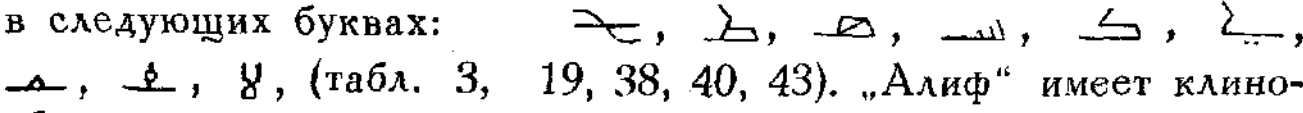
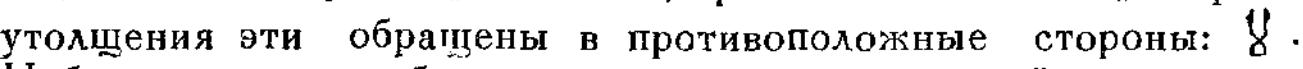
Из небольшого числа сохранившихся памятников мы знаем и о бытовании у болгар цветущего куфи, особенно на архитектурных памятниках (табл. 46). Характерный мотив плетеного куфи с „узлами счастья“ мы видим на фрагментах украшения „Четыреугольника“.¹ На искаженный или примитивный характер куфического шрифта надгробий II стиля, очевидно, нужно смотреть именно как на „болгарский куфи“. Своеобразие это, обнаруживаемое и при сравнении с надписями на монетах, отмечается и другими исследователями.²

Обилие в этом почерке знаков чтения и диакритических точек, надо полагать, явилось результатом того, что нужно было облегчить правильное чтение болгарских архаизмов, давно вышедших из употребления и лишь традиционно продолжающих бытовать на надгробиях-святынях.

Описанный куфи в основном врезанный, но известны и памятники с рельефным куфическим письмом (табл. 5, 37) с теми же характерными чертами. Особенностью этого почерка является невыдержанность некоторых букв в нормах куфи (например, закругленность в изгибах), а также отсутствие строгой гори-

¹ Казанский музейный вестник, 1920, № 5—6, стр. 44.

² А. Ф. Лихачев. Новый болгарский клад 1887 г. Казань, 1888, стр. 2.

горизонтальной линии в их расположении. В этом можно убедиться, например, из почерка памятников табл. 6, 11, 17, 21, 28, 33 и др. К некоторым из них вообще почти нельзя применять название куфи (табл. 31, 33). Наряду с этим, имеется много памятников, в почерке которых мы обнаруживаем более или менее выдержанную общую горизонтальную линию преимущественно низких прямоугольно исполненных букв (табл. 34, 35, 40, 41, 43). Наиболее правильное написание можно наблюдать в следующих буквах: , (табл. 3, 19, 38, 40, 43). „Алиф“ имеет клинообразное утолщение наверху или загнутый влево или вправо нижний конец; снабжение клинообразным утолщением характерно и для стволов буквы „лям“. Так, при сочетании его с „алифом“ утолщения эти обращены в противоположные стороны: . Наблюдаемая своеобразная черта — перенос одной недописанной буквы лигатуры на другую строку или оставление только одной буквы ее в конце строки (табл. 23, 30) — усложняет иной раз чтение надписи.

Так же, как в надписях I стиля, здесь мы, хотя и редко, наблюдаем слияние букв, например вместо (табл. 26).

В заключение следует отметить, что этот тип почерка, по всем признакам, является характернейшим и своеобразнейшим, выработавшимся как стиль в лапидарной эпиграфике болгар. Нужно признать, что за недостатком материала мы пока не можем сказать о таком проявлении богатых графических возможностей куфического почерка в искусстве Волжской Булгарии, какое можно наблюдать в среднеазиатской истории этого почерка.³

Интересно отметить, что ни на одной болгарской эпитафии мы не видим подписи писца-резчика. По-видимому, нельзя это объяснить только тем, что исполнители резьбы по камню, будучи иноверными, — как иные склонны считать, армянами, — не имели права выставлять свои имена на этих памятниках. Нет оснований сомневаться, что резьба эта — дело рук болгарских мастеров, но отсутствие их подписи, очевидно, связано с тем обычаем, что „в резных надписях могли цитироваться только коран и его толкователи или упоминаться имя правителя страны того времени, когда выполнялась данная работа. В силу этого обстоятельства архитектурные детали, подписанные именем мастера-резчика, составляют величайшую редкость

³ В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. Эпигр. Востока, III, 1949, стр. 27.

и насчитываются буквально единицами".⁴ Очевидно, этой же социального порядка причиной нужно объяснить и отсутствие на болгаро-татарских эпитафиях подписи мастера-резчика, за исключением очень немногих случаев — двух памятников из села МаксабашТюлячинского р-на, одного из села Именьково Лаишевского р-на (Н. Ф. Калинин предполагает, что этот памятник завезен сюда из другого места) и нескольких других.

Социальная терминология и имена болгарских эпитафий

В социальной терминологии болгарских надгробий отмечается довольно пестрая картина, проливающая некоторый свет на социально-иерархическую лестницу болгарского феодального общества, господствующей верхушке которого преимущественно и принадлежали эти надгробия.

Мы здесь видим три категории социальных терминов: 1) термины племенного характера, 2) титулы, 3) эпитеты.

Касаясь первых, нужно сказать, что болгарские эпитафии не богаты ими. Кроме ал-Булгārй, ал-Сӯвārй, мы имеем еще этноним „туркмен“ и титул „инāl“ (табл. 7, 16), указывающие на огузское происхождение этих покойников („Туркмены — это огузы“, — говорит Махмуд Кашгарский).¹

Слово „племенной“ мы ни в коей мере не употребляем в его прямом смысле, ибо к этому времени такая организация, надо полагать, давно не существовала у болгар. Скорее всего, эти нисбы — البلعارى (ал-Булгārй), السوارى (ал-Сӯвārй) — нужно понимать как „фамилию“ покойника, указывающую на место рождения (булгарец, суварец), хотя еще долго и после распада Болгарского государства нисба البلعارى (ал-Булгārй) являлась пережиточной и употреблялась только в ее этническом смысле, в каком упоминает ее Махмуд Кашгари (بلعارى, سوارى).²

В имеющемся небольшом списке титулов болгарских надгробий выявляется только частично социальное лицо Болгарского государства. Так, на принадлежащих почти только имущему классу памятниках мы не встречаем социальных терминов народных низов (хотя бы того же *игенче* 'землепашец', известного из литературного памятника „Нахдж ал-Фарадīs“), за исключением лишь „золотых дел мастера“ и „сборщика

⁴ Н. М. Бачинский. Резное дерево в архитектуре Средней Азии. М., 1947, стр. 7.

¹ Цитирую по книге: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л., 1939, стр. 312.

² М. Кашгари. Диване лөгāt эт-төрк, т. I, стр. 30, 33.

податей“ (*тамгачи*),³ которые по роду своих занятий в той или иной мере были связаны с имущим классом.

Самое высокое звание из известных нам по болгарским надгробиям — это титул „Эмира чтимого“, „великого и знатного повелителя, помощника повелителей“ (табл. 2). Очевидно, мы здесь имеем дело с главой Булгарского государства, похороненным близ Казани. В произнесенной в честь болгарского царя „хутбе“ хатиб ибн-Фадлана именует его также „повелителем-эмиром“.⁴ Употребление вышеупомянутого титула говорит за то, что обладатель его был „великим и знатным повелителем“ над своими подчиненными, но в то же время он был „помощником повелителей“, т. е. находился в вассальной зависимости от других „повелителей“ — очевидно, болгарского и золотоордынского. Таким образом, надгробие это свидетельствует, во-первых, о наличии в Казани административного центра, говоря словами Н. Ф. Калинина — „Казанского княжества“,⁵ возглавлявшегося „эмиром“, зависимым как от болгарского хана, так и от золотоордынского; во-вторых, о каком-то автономном положении Булгарии, которой в первую очередь подчинялось данное княжество.⁶ Из этого же несомненно вытекает зависимость Булгарии от Золотой Орды.

Ниже повелителя-эмира идут титулы *инал*, *бек*, *ага* и др. На этой же ступени иерархической лестницы, надо полагать, стояли *аш-шайх ал-кабир* 'великий шайх' (*الشيخ الكبير*),⁷ *шайхи*, *ходжа* — *دواجه*, представители мусульманского духовенства болгар. Довольно высокое положение титула *инал* для огузов отмечает Рашид эд-Дин: „Прозвание государей их есть *инал* — *اينل*, хотя они носят другое имя“.⁸ Не исключена возможность, что на болгарской земле этот титул носили подчиненные эмиру болгарские цари-князья племен, о которых в X в. упоминает ибн-Фадлан,⁹ или же им титуловался пред-

³ И. Березин. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб., 1850, стр. 11. (И. Березин переводит „таможник“).

⁴ И. Ю. Крачковский. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 69.

⁵ Н. Ф. Калинин, Н. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Тр. КФАН СССР, сер. гуман. наук, 2, 1954, стр. 103; Н. Ф. Калинин. Булгарская перстневая печать XIV века в фондах музея. Казань, 1956, стр. 17.

⁶ Н. Ф. Калинин. Булгарская перстневая печать. . . , стр. 19—20.

⁷ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 114.

⁸ Цитирую по книге: А. Бернштам. Социально-экономический строй орхонских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 157.

⁹ И. Ю. Крачковский. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 67.

водитель огузов в пределах Булгарского государства. Во всяком случае в XIV в. титул этот несомненно имел пережиточный характер.

Также и термин *یواری* (*йувārī*), встречающийся лишь на памятниках II стиля в сопровождении какого-либо собственного имени, является титулом. В своем толковании этого слова как „военный муж“ Х. Фейзханов исходит из *یاو* 'война' и *اری* 'мужчина'.¹⁰ Н. И. Ашмарин читает его *بولری* 'Билярский'.¹¹ Некоторые не прочь читать его как *سواری* 'Суварский'.¹² Сословие это мы считаем соответствующим *ادوانه* из сообщения Ибн-Фадлана, т. е. члену дружины булгарского эмира, его военной опоры.¹³ Здесь уместно будет привести текст:

حیرا تلو ارس سراج یواری اول یعتوب یواری اول ابوب¹⁴ یواری
اول حسن یواری اول محمد میر محمود تاریخ حیات چور

„Храброго Арса-Сираджа ювари сын Якуб ювари, (его) сын Аюб ювари, (его) сын Хасан ювари, (его) сын Мухаммед Мир-Махмуд. По летосчислению семьсот“. В частности, в пользу перевода *یواری* Х. Фейзханова (военный) говорит эпитет *حیرا تلو*¹⁵ 'мужественный', 'храбрый', 'неустрасимый' (почему-то И. Березиным переводимый как „Благодетель“), содержащийся в этой эпитафии, где четыре поколения родовитого булгарина носили указанный титул *یواری* (*йувārī*). В связи с этим возникает сомнение в правильности чтения первого имени на этой эпитафии — *ارس* (Арс), звучащего

¹⁰ Х. Фейзханов. Три надгробных булгарских надписи, стр. 398.

¹¹ Н. И. Ашмарин. Булгары и чуваша, стр. 74.

¹² По устному сообщению С. Н. Муратова, *یواری* происходит, возможно, от древнетюркского *чери* || *сүри*.

¹³ И. Ю. Крачковский. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, стр. 67, 72, 104—105.

¹⁴ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103.

¹⁵ В хранящейся в Научной библиотеке Казанского университета копии с одного памятника (без указания места находки) текст в точности совпадает с этим родословием, за исключением двух имен, которых у И. Березина нет совершенно. Написание *حیرا تلو* через *ح* вместо *س* объясняется особенностью фонетики булгарского языка (см. об этом выше, стр. 81).

очень близко к *بارس* (Бāрс) или *ارسلان* (Арслāн), древнетюркским традиционным именам правящей и военной верхушки. В данном случае перед нами представитель феодальной верхушки — потомок болгарских военачальников, передача профессии которых по наследству явствует и из других болгарских эпитафий.

В связи с этим большой интерес представляет наличие на одном надгробии II стиля (табл. 17) с Булгарского городища термина *سویارل* (*суйарлї*). Контекст надписи, заключающей этот термин, таков: *سویارل اٰضنب اول صطلمش زیارةی*. Предшествуя собственному имени *اٰضنب*, он создает впечатление, что определяет „лякаб“ покойника — фамилию, род или принадлежность к какой-либо социальной группе. Однако допустить, что это фамилия, нельзя, так как мы не знаем подобного названия болгарского населенного пункта, считать же это слово образованным от *Сувар* нельзя потому, что лякаб от него звучало бы *Сувари*. *Суйарлї* по близкому созвучию, возможно, следовало бы сопоставлять с термином „сойургал“, с закономерным опущением *з*, что характерно для болгарского и татарского языков. Сойургал „в XIII—XIV вв. обозначал, по-видимому, в самом широком смысле пожалование государя своему служилому человеку“.¹⁶ Очевидно, в этом смысле нужно понимать пожалование в ленное пользование как земель, так и кочевий.¹⁷ Такой же характер, надо полагать, имел этот институт и у болгар. Развитое земледелие, ярко выраженные феодальные отношения при наличии широкого круга военного сословия (*یواری*), по-видимому, стимулировали возникновение его у болгар в начале XIV в., хотя бы в зачаточной форме. Исходя из упоминания сойургала в ярлыке хана Сахиб-Гирея и в других источниках, сейчас установлено, что „сойургал представляет наиболее типичные отношения казанского феодализма в XV—XVI вв.“.¹⁸

¹⁶ И. П. Петрушевский. К истории института сойургала. Сов. востоковед., т. VI, М.—Л., 1949, стр. 225.

¹⁷ Б. Н. Заходер. История восточного Средневековья. М., 1944, стр. 117—118.

¹⁸ С. Г. Вахитов. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей Хана. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр., т. XXXIII, 1925, вып. I, стр. 88; Ш. Ф. Мухамедьяров. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958, стр. 12.

Титул *бек* принадлежал феодальной знати; титул *āgā* ('старший', 'большой', 'господин') — преимущественно высшему чиновничеству.

Наличие таких титулов, как *الحی* (*илчй*), *بک* (*бикā*), *حاتون* (*хātūn*), несомненно говорит о некогда существовавших значительных правах и независимом положении жен болгарской феодальной верхушки (по-видимому, в раннюю пору Болгарского государства), что мы видим и из сообщения ибн-Фадлана.¹⁹

Рассмотренное на стр. 78 выражение *هیر حوم* из эпитафий, приведенных на табл. 5, 7, 13, проливает свет на одну социальную сторону болгарской феодальной знати. Смысл его нужно, по-видимому, понимать не иначе как „наложница“, слово *қырқын*, тождественное этому выражению, означает „рабыня-пленница“. Указанные надгробия по своему оформлению являются лучшими (см. в особенности табл. 5 — памятник из Болгарского городища). Едва ли простой рабыне — пленнице стали бы воздвигать такие пышные надгробия. Из трех известных нам подобных памятников два найдено на Болгарском городище. Факт этот также подтверждает привилегированное положение наложниц у болгар. Ближе к *حوم* звучит *хонд* — титул женщин высшего придворного круга (*хонди хатун*).²⁰

Как нам представляется, часто встречаемое титульного характера слово *حاج*, *حاجی* (*хаджи, ходжа*), возможно, прибавлялось не только к именам лиц, посетивших Мекку, но и к именам купцов, побывавших в далеких странах Востока.

На некоторых эпитафиях выпущено собственное имя при наличии того или иного титула — *بک*, *حاجی* (*хаджй, бек*): *یونس اول حاجی بلوی ک* („Йунуса сын Хаджи, его памятник“) и др.; но не исключена возможность, что *حاجی* (*Хаджй*) было и собственным именем.

Богатый материал дают болгарские надгробия по личным именам, что заслуживает специального исследования, так же как и вопрос о титулах. В основном различаются две категории имен: 1) мусульманско-арабские, 2) древнеболгарские.

¹⁹ И. Ю. Крачковский. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 68.

²⁰ В. В. Гордлевский. Государство сельджукидов в Малой Азии. Л., 1941, стр. 58.

Несмотря на четырехсотлетнее существование мусульманства, у болгар были не только арабские имена. Наряду с такими арабскими именами, как *ابوبكر* (Абу-Бакр), *علي* (‘Али), *احمد* (Ахмад), *محمد* (Мухаммед), *محمود* (Махмуд), *اسحاق* (Исхақ), *اسماعيل* (Исмāгил), *حسن* (Хасан), *حسين* (Хусейн), *ابراهيم* (Ибрахим), *موسى* (Муса), *يعقوب* (Йақуб), *يوسف* (Йусуф), *فاطمة* (Фатима), *زاهيده* (Зāхида), *اسية* (Асийя) и др., даже среди феодальной знати, куда ислам должен был глубже проникнуть, не говоря уже о народных низах, имели широкое хождение болгарские или, как иногда их называют, языческие имена: мужские — *تطى* (Тоҭай), *بلكس* (Бәлкөс), *اينوك* (Йнук), *بركاي* (Бркай), *بالتك* (Бәлтүк), *احج* (Ихидж), *اسح* (Исух), *بوراش* (Бураш), *ارمش* (Армаш), *بولارتاي* (Булартай), *بلمشاق* (Блумшақ), *الباك* (Албак), *بكتيمير* (Биктимир), *تمرج* (Тимрәдж), *اسك* (Исик), *ياхам* (Йахам) и др.; женские — *القيس* (Алқис), *جوهر* (Джәвхәр), *مرجهن* (Мәрджән), *اي بکه* (Ай-Бикә), *افع* (Афах).

Часто мусульманско-арабские имена фигурируют в искаженном на манер болгарских имен виде: *سراجدين* — *سراج* (Сирәдж — Сирәдж ад-дйн), *محمد* — *مات* (Мамат — Мухаммед), *ابراش* — *علي احمد* — *علي* (‘Али-Амат — ‘Али-Ахмад), *ابراهيم* — *ميناج* — *ميناج* (Ибраш — Ибрахим), *بادامشاه* — *باتامش* (Батамыш — Бадәмшәх), *علي احمد* — *اليحمد* (Алихмад — ‘Али-Ахмад).

Некоторые имена болгарских надгробий мы встречаем и в топонимике ТАССР — *مامق* — Мамык (с. Мамыково Октябрьского р-на), *اترج* — Атраҭ (сс. Б. и М. Атрясы Апастовского р-на и с. Атряс Сабинского р-на), *مامل* — Мамли (с. Мамли-Козяково-Челны Кзыл-Юлдузского р-на), *شالوش* — Шәләуш (с. Салаусь Балтасинского р-на и с. Салауш Красноборского р-на) и др.

Среди болгарских имен не трудно обнаружить имена древнетюркского и половецкого типов, — например, *طباچ* (Табач),²¹ *جالور* (Джалур; напоминает имя Овлур). Судя по наличию в топонимике ТАССР названий деревень Кибя-Кози, Кибяк-Иле, Кобяково и др., надо полагать, что половецкого типа имя Кобяк имело место и у болгар.

Имена, связанные с языческим обрядом заклинания детской смертности, представлены следующими:²² *توقطار* (Туктар), *صطلمش* (Сатымыш), *بکتیمیر* (Биктимир), *باقی عومر* (Баки-гумир) и др.; обряд этот среди казанских татар бытовал еще в недавнем прошлом, с чем связаны их имена: *تیمیر* (Тимир), *تیمیر علی* (Тимир-Али), *بکتیمیر* (Биктемир), *ساتی* (Сатый), *اولماس* (Улмас), *ساتوکای* (Сатукай) и др. Некоторые из них — *اولماس* (Улмас), *ساتوکای* (Сатукай), *تیمیر علی* (Тимир-Али) и др. — мы встречаем на памятниках XVI в. и позже.

Имена с приставкой „Мир“ (от „эмир“) — *میر ابراهیم* (Мир-Ибрахым), *میر محمود* (Мир-Махмуд), *میر حسن* (Мир-Хасан) и др., — очевидно, в те времена принадлежали преимущественно выходцам из семей правящего круга.

Отмечены случаи, хотя и не частые, существования двойных имен — *الس حاجی* (Алп-Хаджй), *ارس سراج* (Арс-Сирадж), *طار بکتک* (Татар-Балтук) и др., — что, очевидно, говорит об употреблении наравне с собственным именем также прозвища, быть может, родового или племенного происхождения. Так, существование у огузов еще в XIII в. двух имен, мусульманского и родового (или прозвища), отмечает и В. В. Гордлевский (например, Зиа-эд-дин-Кара-Арслан, Фахред-дин-Арслан Догмуш и др.).²³

²¹ Табл. 34. — Подобное имя в форме Табгач каган мы видим и на памятнике Кюль-Тегину (С. Е. Малов. Памятник древнетюркской письменности, стр. 28, 33, 425).

²² Из смысла этих имен (Туктар 'остановиться', в данном случае относится к смерти; Баки Гумир 'вечная жизнь', Тимир 'железо', Улмас 'бессмертный', Сатымыш 'проданный'), думаю, будет понятно, в каких случаях прибегали к ним.

²³ В. В. Гордлевский. Государство сельджукидов в Малой Азии, стр. 55.

Близким подобием приведенных здесь болгарских имен является список языческих имен чуваш, изданный В. К. Магницким.²⁴

Многие болгарские имена из надгробий XIII—XIV вв., а также имена из татарских эпитафий XV—XVIII вв. совпадают иногда буква в букву с именами этого списка. Такие татарские имена этих памятников (XV—XVII вв.), как چورا (Чурā), اباك (Абāk), توق (Тук), توقتامش (Туктамыш), ياتناش (Йātнāш), جينميش (Чинмиш), امان (Аман), بالتاج (Балтāч), جبان-حوجاباي (Джиāн-Худжāбāй), قوناق-حوجاباي (Қунақ-Худжāбāй), ادكاي (Идигāй), چتش (Чытыш), شودك (Шудāk), قورج-بولات (Қорыч-Булāt), تولون (Тулун), ماماي (Мамāй), بولات (Булāt), توغاش (Тугāш), بوزناق (Бузнāқ), چاپقون (Чāпқун), ياماش (Йāmāш), اشكاي (Ишкāй), لباق (Абāқ),²⁵ ايشنيكا (Йшбйкā), تاماك (Тāmāk), آق ساري (Āксāры), جان ساري (Джāнсāры) и др., свидетельствуют о большой тяге татар к своим древним именам. Это мы наблюдаем среди феодальной знати, которой эти надгробия принадлежали, не говоря уже о широких слоях трудового народа. В этом отношении нужно отметить сильное влияние болгар, а впоследствии и татар, на своих соседей — предков чуваш, удмуртов и мари, среди которых раньше даже встречались, хотя и в искаженном виде, мусульманские имена, а в верованиях их, особенно чуваш, — элементы мусульманской религии, проникшие к ним через болгар. Влияние это в первую очередь шло по линии социально-политической, что обусловлено болгарским, впоследствии и татарским, феодальным землевладением среди этих народностей.

Это особенно заметно и ныне в топонимике соседних республик, особенно Чувашии, где обнаруживается поразительное сходство названий чувашских деревень с названиями татарских деревень в ТАССР.

Несомненно, бытование не только у некрещеных чуваш, но в равной мере и у некрещеных удмуртов, мари, несмотря на их этнические различия между собой, одних и тех же болгарских и татарских имен нужно объяснить именно социально-

²⁴ В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена.

²⁵ В написании этого имени в виде لباق мы склонны видеть болгарскую традицию соединения начального алифа с последующей буквой.

политическим и экономическим влиянием болгар, а впоследствии казанских татар на эти народности.

Во многих местах мы можем наблюдать это и сегодня. Например, в с. Удмурт-Ташла Бавлинского р-на ТАССР в 1946 г. среди некрещеных удмуртов нами записаны следующие имена: ايشبولات (Ишбулāt), بكتيمير (Биктимир), قوتلوبيكه (Кутлу-Бикә) и др.

Несомненно, что и после распада Булгарского государства среди широких народных масс татар имели длительное хождение древнебулгарские имена. Об этом, в частности, говорит сообщенное нам в 1947 г. одним стариком (Хабибулла Биктимиров, 78 лет) из села Б. Атна Атнинского р-на ТАССР родословие его дедов:²⁶ Бөртөк — Жөртөк — Каримулла — Насыбулла — Биктемир — Хабибулла. По его словам, первый его дед, происходивший из черемис, при принятии мусульманства получил „мусульманское“ имя, как он говорил, — „Бөртөк“.

В болгарских эпитафиях данное имя в сочетании с другими обнаруживается дважды: в одном случае оно читается Н. И. Ашмариным как женское имя: الطن برت (Алтын бөрт); автор, сильно искажая фонетическую транскрипцию, превращает это имя в чувашское „Ылдын пәрчи“ в интересах теории болгарского происхождения чуваш.²⁷ Первая часть имени, الطن (Алтын) — со смыслом „золото“, — встречается еще на нескольких болгарских камнях (табл. 38). Вообще как у болгар, так ныне у казанских татар подобные имена с „минералогическим“ смыслом — например, Йақұт ‘рубин’, ‘сапфир’, Зөбәржәт ‘топаз’, Гәүһәр (Жәүһәр) ‘жемчуг’, ‘драгоценный камень’, Асыл, Тимир ‘железо’, Алмас ‘алмаз’ и др. — были любимыми именами. Мы их встречаем на болгарских надгробиях XIV в. и в произведениях поэта XVI в. Мухамедьяра.

Более заметным проникновением мусульманских имен в среду татар становится в первой половине XIX в., когда масса получивших образование в бухарских медресе мулл, явившихся опорой только что возникшей татарской буржуазии, начинает усиленную пропаганду ислама не только среди татар, но и

²⁶ Любовь, которую издавна питали казанские татары к составлению и заучиванию родословий своих дедов, как в зеркале, отражает подобное же стремление у болгар, что видно из многочисленных их надгробий с перечислением предков. В частности, мне самому в татарских селах много раз приходилось видеть родословия с перечислением иногда до 20 и более поколений.

²⁷ Н. И. Ашмарин. Об одном мусульманском камне..., стр. 106—107.

среди соседних народов. С этого времени имена у татар сильно арабизируются. Не привившиеся у болгар в XIII—XIV вв. и позже у татар в XV—XVII вв. имена, как عبد الله ('Абдулла), زين الله (Зайнулла), احمد الله (Ахмадулла), عبد الرحمن ('Абдурахман)²⁸ и т. п., своим значением отражающие классовую сущность ислама, все более и более начинают распространяться среди татар. За эти мусульманские имена и за изгнание из среды татар их древних имен, вроде Тёмір, Тёмірқай, Тёмір-Пулāt, Тұқай-Тимір, Абай, Шұнқар, Нугаш, Асмән, Тұтāч, Пимāч, Бигāнāй и др., муллы ведут усиленную агитацию как в своих проповедях, так и через периодическую печать (журнал „Шуро“), не останавливаясь даже перед изданием специальных книжонок со списками рекомендованных и запрещенных имен.²⁹ Однако хотя к XX в. имена давались только муллами и только мусульманские, все же широкие народные массы по-своему воспринимают эти мусульманские имена, переименовая их, по-видимому, на болгарский лад — Абдуллу в Апуш, Зайнуллу в Зайнуш, Шахидуллу в Шайдук, Ибрахима в Ибрай, Ибраш, Сайфуллу в Сапи, Сапай, Гатауллу в Гата, Абдурахмана в Аптри, Авзал ад-дина в Абзак и др. О широком распространении этого явления среди татар говорит и Л. Залаяй, считая его особенно заметным в западном диалекте,³⁰ где, например, Яруллу зовут Яртурк, Мухаммад-шаха — Мохань, Низам ад-дина — Низук, Шараф ад-дина — Шарук, Галиуллу — Алуш, Фатыху — Фатуш и др. Подобным же образом в разговорной речи изменяются христианские имена, принадлежащие крещеным татарам (Александра — Сандра, Екатерина — Катр, Мария — Маржэм, Яков — Жәкәу, Михаил — Михай, Тимофей — Тимуш и др.). Иными словами, в этих искаженных именах совершенно нетрудно уловить большую типологическую общность с древними болгаро-татарскими именами.

Подытоживая материал надгробий болгарского периода XIII—XIV вв., необходимо отметить, что существование двух стилей надгробий, которые различаются в основном своим языком, явилось отражением исчезновения древнеболгарского языка и зарождения на той же этнической основе новоболгарского языка в результате тесных взаимоотношений болгар с тюркским миром в пору поступательного движения последнего с востока и юга. В описанных выше формах памятники эти принадлежали

²⁸ Эти имена, за исключением единичных случаев, почти отсутствуют на болгаро-татарских надгробиях.

²⁹ Имя. Казань, 1895. (На татарском языке).

³⁰ Л. Залаяй. Татарская диалектология, стр. 106—107.

только булгарам, ибо „из всех областей Золотой Орды могильные надписи (такого вида, — Г. Ю.) имели распространение только на территории Булгарии“.³¹

Булгарские надгробия Башкирии

Из нескольких письменных сообщений о древней Башкирии — Ибн-Фадлана, Юлиана, Шараф ад-дина — в данном случае для нас представляют наибольший интерес сообщения последнего, который упоминает более чем о 20 могилах проповедников, расположенных на протяжении от р. Уфимки до р. Зай. Как явствует из сообщения, это были выходцы из башкир и мишарей, получившие духовное образование в Булгаре¹ и проповедовавшие ислам среди своих соплеменников. Довольно обширная топография этих могил связывается главным образом с реками западной Башкирии — Ай, Уфа, Белая, Уршак, Дёма, Чермасан (Сармасан), Ик — местами поселений башкир, а порой даже с селами. Так, например, значительный интерес представляет упоминание могил Ходжи-Тұқаша, Ходжи-Бекташа и Сулеймана-Ходжи у с. Кипчак на реке Дёма; здесь и ныне есть село, называемое Кипчак-Аскароро (Альшеевский р-н). Однако, несмотря на это, небольшое число найденных древних надгробий не связывается с данными Шараф ад-дина. Пока мы можем объяснить это только тем, что территория Башкирии слишком мало еще исследована. Не исключено и то, что подобные памятники бесследно исчезли, не будучи где-либо зафиксированы. Только дальнейшее продолжение подобных исследований позволит окончательно выяснить этот вопрос.

Из известных нам письменных памятников самым ранним в Башкирии на сегодня является надгробие Хусейн-бека у с. Чишмы на кладбище *Акзират* 'Белое кладбище'.

Название это, очевидно, дано благодаря возвышавшемуся здесь некогда мавзолею, сложенному из белого известняка, на месте развалин которого в 1911 г. уфимским муфтием выстроен заново совершенно иной конструкции мавзолей, где и находится указанное надгробие (табл. 8). Памятникам этим посвящена большая литература,² в которой много противо-

³¹ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 55.

¹ Шараф ад-дин Булгарй. История Булгарии, стр. 18—24.

² J. Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. Zweiten Band, Petersburg, 1775, стр. 728—730; П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека. Москвитянин, 1843, № 3, ч. II; В. С. Юматов. Древние памятники на земле Чубиминской волости. Оренб. губ. вед., 1848, № 1; Р. Г. Игнатьев. Памятники доисториче-

речивых, неточных сведений, главным образом касающихся текста эпитафии Хусейн-бека. Самое раннее упоминание о ней мы находим у Георги.³ Приводимый им текст близок к тексту, данному уфимским муфтием Султановым в 1909 г. (см. ниже).

В одной из ранних работ о памятнике П. Павловский, пользуясь чтением муллы с. Кара-Якупово, датирует камень 1047 г., 7-м днем раби-ал-ахира месяца. Однако тут же делает оговорку, что сведения, полученные от муллы, не могут считаться бесспорными, ибо „чувствую, — говорит он, — что в этом деле, довольно важном, такое основание не совершенно удовлетворительно!“⁴

Позже, в 1848 г., В. С. Юматов дает следующий текст надписи (в чтении учителя с. Кара-Якупово Бердигулова):⁵ „Альгадила фильбажам хази Хусейн-бека бина аль амир алькабир Гумер-бек Торсяси Туркестани альмархом аллагумма рахимгу рахматан васигатан вакримгу, бильгафови вальмагфират тавафи филь-аям аттасиги фишагриль мубах сената арбагина вайснайни васабага миэти“. Перевод Юматова: „Человек по закону праведный, хаджи Хусейн-бек, сын великого Бека Гумера Тарсяского в Туркестане: умерший просит Бога даровать ему милость и прощение грехов: умер в 9-й день благополучного месяца 742 года“.

Почти такое же чтение дает в своей работе об этом памятнике В. В. Вельяминов-Зернов:

العادل فى الاحكام حاجى حسين بيك بن الامير الكبير عمر بيك
.... تركستانى المرحوم اللهم ارحمه رحمة واسعة واکرمه بالعفو
والمعفرة توفى الايام التاسع فى شهر الرباع سنة اربعين واثنتين
وسبع مائه.

ских древностей Уфимской губернии. Гробница ногайского имама Хусейн-бека. Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883; Г. Игнатович. О древних памятниках в Уфимском уезде. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по б. Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866—67 гг. Уфа, 1868, отд. II; В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии. Тр. Вост. отд. Археолог. общ., ч. IV, 1859; М. В. Лоссиенский. Кое-что о башкирах в их прошлом и настоящем. Уфа, 1903; Али Рахим, Г. Газис. История татарской литературы, т. I, ч. 2, стр. 54—55; А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. Матер. и исслед. по археологии СССР, вып. 58, 1957, стр. 89—90; Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники...

³ J. Georgi. Bemerkungen... , стр. 730.

⁴ П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека, стр. 241.

⁵ В. С. Юматов. Древние памятники... , стр. 3.

„Праведный в своих предназначениях хаджи Хусейн-бек, сын великого эмира Омар-бека... Туркестанский.

Господи, помилуй его, великого, милостью своею и почти его оставлением всех грехов его. Скончался в 9-й день разрешенного месяца 742 г.“⁶

Р. Г. Игнатьевым дается текст в таком переводе:⁷

„Поистине на свою ответственность, хаджа Хусейн-бек, сын Гумер-бека, скончался в 7 день месяца Мухаррема, после Магомета в 444 году, имея от роду 76 лет“.

Скорее всего Р. Г. Игнатьев заимствовал этот перевод у Г. Игнатовича, издавшего данный текст в 1868 г.⁸ Перевод в этом издании гласит:

„Поистине на свою ответственность, хаджа Хусейн-бек, сын Гумер-бека из Тарсас из земли Туркестан... Господи Боже мой, не оставь его своею милостью! Хусейн-бек сын Гумер-Бека помер в 7 день месяца Мухаррема после Магомета в 444 году, имея от роду 76 лет“.

Позже текст надгробной надписи дается в книге М. В. Лоссиевского:⁹

„Да будет широко милосердие Аллаха покойному Хаджи Хусейн-беку, сыну Азмир бека, из потомков Тораса из Туркестана. О, Боже, не лишай своей милости Хусейна, сына Азмир-бека. Скончался в 10 день месяца Мухаррема 744 г. 76 лет“.

В своих кратких сообщениях о мавзолее как П. Ф. Ищеринов,¹⁰ так и Г. В. Вахрушев¹¹ заимствовали перевод надписи у Р. Г. Игнатьева.

При сличении приведенных текстов мы обнаруживаем значительные расхождения, в особенности в датировке надписи. Объяснить это можно лишь тем, что никто из упомянутых авторов сам не читал надпись, а некоторые даже не видели памятника. Все они были осведомлены о содержании надписи информаторами — муллами и другими лицами, — доверились их познаниям в области арабского языка или же просто копировали предшествовавших авторов. Известно, что для разбора сложной арабской вязи недостаточно только знать

⁶ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 260.

⁷ Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей..., стр. 334.

⁸ Г. Игнатович. О древних памятниках..., стр. 30.

⁹ М. В. Лоссиевский. Кое-что о башкирах..., стр. 11.

¹⁰ Башкирский краеведческий сборник, 1927, № 2, Уфа, стр. 72.

¹¹ Там же, 1926, № 1, стр. 48.

арабский язык. Информаторы-муллы хотя и владели этим языком, но особенности палеографии надписи все же ставили их в затруднительное положение. Поэтому вполне естественно, что в сообщениях этих информаторов о личности Хусейн-бека отложились и элементы легенд, имевших хождение в народе. Иначе трудно объяснить происхождение таких выражений, как „76 лет от роду“ (Игнатьев) „сына Азмир-бека“ (Лоссиевский), вовсе отсутствующие в надписи. Подобного рода искажением следует считать и отсутствие в тексте Р. Г. Игнатьева лякаба Хусейн-бека „Туркестани“, который нетрудно прочитать даже ныне, почти через восемь десятков лет после его чтения, при сильной изношенности надписи. Сказанное подтверждает предположение, что Р. Г. Игнатьев сам не читал надпись; это видно и из его ошибочного описания памятника: „Внутри здания есть камень шириною и толщиной в $\frac{3}{4}$ арш. и на нем арабская куфическая надпись...“¹²

Как известно, камень имеет размеры всего 67 см в ширину и 26 см в толщину, а надпись исполнена не почерком куфи, а скульсом. Трудно поверить, что Р. Г. Игнатьев, ученый-востоковед, не мог разобраться в характере почерка надписи, если он только сам ее видел.

Наконец, наше мнение подкрепляется и такими двумя соображениями. Имеющуюся недалеко от мавзолея группу из 6 камней Игнатьев относит к надгробиям князей Тамерлана, умерших здесь:

„Шесть надгробных камней послужили основанием кладбищу: это кладбище видно и теперь, но только на камнях нет надписей“, — писал он.¹³ Но, во-первых, на камнях этих надписи, рельефно исполненные, хорошо сохранились и сейчас; во-вторых, это памятники конца XVII в., а не времени Тамерлана. Заметить ныне надпись на этих камнях может любой, даже не знакомый с арабским письмом.¹⁴ Поэтому совершенно непонятно утверждение Б. Г. Калимуллина, что Р. Г. Игнатьев в 1870 г. исследовал этот памятник;¹⁵ нельзя считать в какой-то мере приемлемой дату памятника, данную Р. Г. Игнатьевым.

¹² Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей..., стр. 334.

¹³ Там же.

¹⁴ См. табл. 74.

¹⁵ Б. Г. Калимуллин. Архитектурные памятники Башкирии. Уфа, 1956, стр. 10.

В октябре 1909 г. могилу Хусейн-бека посетила группа духовенства и купечества во главе с муфтием. В сообщении об этой поездке¹⁶ приводится текст надписи:

العادل فى الاحكام حاجى حسين
بيك بن الامير الكبير عمر بيك ترسانى
تركستانى المرحوم اللهم ارحمه
رحمة واسعة واکرمه بالعفو والمغفرة
توفى فى الايام السابع فى الشهر السابع
سنة اربع واربعين وسبع مائة

Кроме двух последних строк даты, текст в переводе означает то же, что у В. В. Вельяминова-Зернова. Последние две строки означают дату смерти: „Скончался в седьмой день седьмого месяца 744 года“.

В 1911 г. текст надписи Хусейн-бека был каллиграфически дублирован на гранитную плиту, однако с неточностями. Автор его пока остается неизвестным. Плита эта ныне находится рядом с надгробием Хусейн-бека. Текст дубликата таков:

(1) العادل
(2) فى الاحكام حاجى
(3) حسين بك من اهل ترسان تركستانى
(4) المرحوم اللهم ارحمها رحمة واسعة واکرمه
(5) بالعفو والمغفرة تاريخ فى اليوم التاسع
من شهر الله المبارك رابع سنه واربعين وسبعمائة
(6) رحمت الى المؤمن قال فاتحه

- „1) Справедливый
2) в своих решениях хаджи
3) Хусейн-бек из Тарса Туркестанский,
4) покойного боже мой помилуй милостью обширною,

¹⁶ Журнал „Ма'лумат“, № 40, Оренбург, 1909, стр. 991.

чти же его, прости своим благодеянием.

По летосчислению в седьмой день

5) благословенного богом четвертого месяца, года
в семьсот сороковом.

6)“.

В дубликате не даются имя и титул отца Хусейн-бека, которые в подлиннике почти отбиты; однако по мелким фрагментам их можно восстановить.

Памятник этот изучался мною неоднократно. Размером он $150 \times 67 \times 26$ см; вытесан из серого известняка и представляет прямоугольную плиту с надписью на лицевой и боковых сторонах. Внешнее оформление плиты ничем почти не выделяется, кроме рельефного обрамления по краям, образованного врезанной линией; окаймляя снизу последнюю строку надписи, эта линия образует четырехугольный выступ, равно отстоящий от краев плиты.

Подобное оформление очень характерно для болгарских надгробий XIII—XIV вв.¹⁷ Исполненная рельефным сульсом, надпись сильно пострадала от времени и внешних воздействий. В верхней части она почти совершенно неразличима. Частично уцелевший, но очень трудный для чтения конец надписи местами приходится восстанавливать по следам отбитых букв и лигатур. Судя по длине плиты, надо полагать, что всего строк было около 15. Палеографически надгробие это идентично с болгарскими эпиграфическими памятниками I стиля конца XIII—первой половины XIV в. Характерным своеобразием этого почерка как в болгарских памятниках, так и в данном случае является образование сложной вязи при помощи соединения алифа с предшествующей или последующей лигатурой; то же самое бывает с буквой ر (p): например, الربعين (الربعين), لرحمه (ارحمه). После тщательного изучения нами получен следующий текст, который приводим в том виде, в каком он был в 1954 г. и в мае 1957 г.

(1) العادل خي الاح كام خاجى ح ن

(2) ر ر رساس برکستان

(3) اللهم ارحمه رحمه واکرمه بالعفو والمعرفة

¹⁷ Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии, см. рис. 4.

- (4) ر... فى الانام التاسع من شهر الله المبارک ا
 (5) ... بع سنه الربعمس عماء رحيم اول مومن فاسحه (?)
 (6)

Первую строку мы смело можем представить так:

العادل فى الام كام حاجى حـ[سيان]

В очень фрагментарно сохранившейся второй строке, по-видимому, мы имеем слово *تركستان*. Судя по обрывкам уцелевших букв и лигатур, в начале второй строки можно допустить титул *الامير الكبير*, после чего, очевидно, идут остатки лигатур *عمر بك*, означавших имя отца покойного.

Что касается слова *رساس*, то оно опущено у В. В. Вельяминова-Зернова, который предполагает здесь возможность наличия слова *طرف* 'страна'.¹⁸ Сохранившееся весьма хорошо

رساس исключает это. Несомненно мы здесь имеем остатки названия родного города или села покойного. Можно только предполагать, что это было или *ترساس* (Тарсас), как принято некоторыми, или же другое селение. Однако трудно допустить, что это переднеазиатский город Тарс, а не название болгарского населенного пункта.

После слова *تركستان* значащуюся в приведенных текстах лигатуру *المرحوم* ныне невозможно прочесть.

Третья строка лучше сохранилась, кроме одного отбитого слова после лигатуры *رحمة*. В данном случае мы имеем часто употребляемую формулу, где слово *واسعة* полностью отбито.

В конце четвертой строки довольно отчетливо читается *من شهر الله المبارک*, поэтому все вышеприведенные варианты этой части даты памятника — в виде *فى الشهر السابع*, *فى شهر المباح* и др. — отпадают сами по себе. С этим выражением связано и числительное *الرابع* в начале пятой строки

¹⁸ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 259.

(еле заметный „алиф“ его стоит в конце четвертой строки), ибо это логически напрашивается при наличии эпитета „благословенный богом месяц“, который в мусульманском календаре употребляется по отношению к месяцам рабиг-ал-авваль и рамазан. Несколько поврежденные начертания *الرربعين..سبعمئة* несомненно означают (не без ошибки в написании) числительное *الرربعين و سبعمئة* 'семьсот сороковой' — год смерти Хусейн-бека по хиджри, что по нашему летосчислению соответствует 1339 г. (более полная дата — в среду 15 сентября 1339 г.).

После слов, означающих дату, начертания *رحمب اول مومن فاتحه* пока остаются нам непонятными.

Шестая строка надписи полностью стерлась.

После всего этого текст эпитафии нам представляется в таком виде:

- (1) العادل فى الاح كام حاجى ح[سيان]
- (2) [بك بن عمر بك...][رئاس تركستان][المرحوم] (?)
- (3) اللهم ارحمه رحمة[واسعة]واكرمه بالعفو والمغفرة
- (4) توفى فى الايام[التاسع]من شهر الله المبارك ا
- (5) [لرا][بعسنة الربعين وسبعمئة][رحمب اول مومن فاتحه] (?)
- (6)

- 1) „Справедливый в своих решениях хаджи Х[усейн]-
- 2) [бек сын 'Омар-бека...] рсасского из Туркестана,¹⁹
[покойного],
- 3) боже мой помилуй милостью [обширной], чти же его своим благодеянием.
- 4) Скончался [девятого] дня благословенного богом месяца
- 5) [чет]вертого, года семьсот сорокового (?)
- 6)“

Как видно из вышесказанного, расшифровка всего текста представляется ныне невозможной. В данной эпитафии уцелели, однако, историческая часть, где говорится о личности покойника, и дата его смерти. Подобного рода конструкцию текста

¹⁹ Ни слова *من* 'из', ни окончания *نى* к *تركستان* и *سى* в слове *رئاس* в тексте нет.

мы находим среди болгарских эпиграфических памятников I стиля конца XIII и первой половины XIV в. Обычно начинающиеся с традиционной формулы هو الحى الذى لا يموت, тексты эти в большей части состоят из эпитетов и восхвалений знатного рода покойника (табл. 4).

Нельзя не сказать несколько слов о самом мавзолее, поскольку он представляет единое целое с эпиграфическим памятником (правда, некоторые авторы склонны рассматривать их раздельно).²⁰

Первоначально мавзолей, как это явствует из описания В. Юматова²¹ и из упоминания Н. П. Рычкова,²² был сходен по своей архитектуре с мавзолеем Тура-хана в с. Н. Термы Чишминского р-на.²³ В том и другом случае квадратное основание через откосы (на углах) снаружи и тропы внутри переходит в восьмигранник, завершающийся куполом. Мавзолей Хусейн-бека, как и мавзолей Тура-хана, был сложен из дикого неотесанного известняка. Здесь следует отметить такую особенность входа, как остатки пристройки к нему, о чем сообщают П. Павловский и В. Юматов.²⁴ Продолговатая и узкая форма этой пристройки (В. Юматов) не оставляет сомнения в том, что она напоминала узкий коридор с полукруглым арочным покрытием у входа в мавзолей Тура-хана; Б. Г. Калимуллин считает этот коридор порталом, хотя он и не является таковым (рис. 9).

Причисляя мавзолей к портално-купольным, этот автор неудачно связывает его с портално-купольными мавзолеем Казахстана XII—XIII вв., игнорируя почему-то архитектурные памятники, находящиеся более близко — на Булгарском городище. Характерным для последних является то, что все они сооружены из известняковых камней, а в архитектурно-конструктивном отношении построены так, что „основной куб посредством откосов снаружи и тропов внутри превращался в восьмигранник, а последний путем удваивания сторон переходил в шестнадцатигранник и полусферический купол“.²⁵

²⁰ Б. Г. Калимуллин. Архитектурные памятники Башкирии, стр. 12.

²¹ В. Юматов. Древние памятники... , стр. 3.

²² Н. П. Рычков. Журнал или дневные записки путешествия... , стр. 104.

²³ Мавзолей этот в народе называется *Kāšānā*, что несомненно образовано из тюркского *kāšāk* (В. В. Радлов) 'тлен', 'прах' и персидского *hānā* 'дом' — 'дом праха' — усыпальница.

²⁴ П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека, стр. 237; В. Юматов. Древние памятники... , стр. 3.

²⁵ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 209.